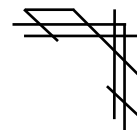

Часть V

Киев во второй половине XIX – начале XX столетий

Долгожданная Свобода
двинула ядро народа
в пролетаризацию.
Пять гектаров получали
те, кто в панщине сучали
и кормили нацию.

Свой надел и клин с бурьяном
выкупать пришлось крестьянам,
заплатив втридорога.
Многие, порвав с землею,
обольстились всей семьёю
прелестями города.

Занимаясь самостроем,
умножали вдвое, втрое
населенье Киева.
Язвой городской хворобы
развели вокруг трущобы,
как хлева авгиевы.

В рабство продались машине,
протянув ладонь к полтине
за труды нелегкие.
Вместо запаха березы,
сморданный дым от паровоза
запускали в легкие.

В несколько десятилетий,
после прений в Госсовете,
царскими указами,
жуткий рак капитализма
вглубь России организма
вторгся метастазами.

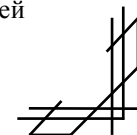
От рассвета до заката
мышцы пролетариата,
к барству непривычные,
новоявленным дюпонам
штамповали миллионы,
и не единичные.

Предшешая рабсила
дивиденды приносила
алибабской сказкою.
Царские универсалы
послужили капиталу
дрожжевой закваскою.

Бальтерманц, Эпштейн, Куперник
застолбили, как шпалерник,
общества кредитные.
Френкель, Левинсон и Грубер
расплодили по округе
банки депозитные.

Шанц, Терещенко и Бродский
список киевозаводский
множили наличными.
И рабочая Шулявка
разбухала, как пиявка,
зданьями фабричными.

Меж трудом и капиталом
интенсивно нарастало
среднее сословие –
все тянулись за жар-птицей
в украинскую столицу,
29 новые условия.

Edited with **Infix PDF Editor**
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

Прочитав в церквях псаломы,
из поместий экономы,
кто не спал в инерции,
на Крещатицком бульваре
магазины открывали,
занялись коммерцией.

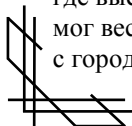
Дворовые и лакеи,
помня барские затеи
и манеры панские,
в сеть доходных ресторанов
влили для своих карманов
заведенья дамские.

Покупали, продавали,
строили и торговали
комнатами, дачами,
лесопиломатерьялом,
сахаром, мукой, крахмалом –
гнались за удачею.

Хатки-мазанки с садами,
их завалинки с дедами
отходили в прошлое.
В русле новых настроений
цепь классических строений
выросла роскошная.

На Крещатике зеленом
с прилегающим районом
появились здания,
где с жильем удобства слились
и где гласно проводились
Думы заседания.

Где зубрили цифр таблицы
благородные девицы,
где вели к причастию,
где высокий чин столичный
мог вести беседы лично
с городской властью.

Где, с дороги намяв кости,
в люксах отдыхали гости,
где, к восторгу зрителей,
украинские актеры
диалог вели в фольклоре
местных сочинителей.

В Киеве лишь каждый пятый
українську мову свято
применял в общении.
Этот тяжкий грех царизмом
звался национализмом –
был под запрещением.

Шефы украинomanов
Антонович, Драгоманов,
отрастивши бороды,
в группе и по одиночке
без украинской сорочки
не гуляли в городе.

Члены киевской *громади*
просвещенью были рады
по культурной линии
среди молодых студентов
и других интеллигентов
в украинофилии.

В этнографии копались
и безмерно увлекались
козацькими думами.
Кончить с нации позором
политическим отпором
даже и не думали.

Дети горожан и внуки,
в большей степени от скуки,
чем по убеждению,
с лозунгом “Земля и воля!”
сговорились в общем хоре
про “в народ” хождение.

В сапогах, косоворотках
баяли на сельских сходках
супротив империи.
Простофилая община
их на съезжую тащила
в лапы жандармерии.

Бывшие пропагандисты,
как заправские садисты,
заостренным лезвием
Гейкингу, царя сатрапу,
вместо этой самой лапы,
горло перерезали.

Гришка Гольденберг, негодник,
тоже киевский народник,
за России бедствия
губернатора в карете
застрелил из пистолета
без суда и следствия.

Бомба, револьвер, кинжалы
“волю” как бы выражали
вроде бы “народную”
к убиению власть имущих,
свод законов стерегущих
службой благородною.

За такую камарилью
не отделался Сибирью
исполком народников.
В равелинах бастионных
таял список обреченных
на людей охотников.

Самой аппетитной дичью
было Царское Величье.
И с тремя подростками
в Петербурге у канала
императора взорвала
Софочка Перовская.

Отбыл в вечную обитель
русский царь-освободитель
крепостных заложников.
В вензеле над тронным залом
третью палку приписала
кисть его художников.

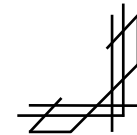
Киевляне, с скорбным видом,
отслужили панихиду,
помянули стопочкой,
благо, Александр Третий
сам нередко на рассвете
похмелялся водочкой.

Киевляне большей частью
оставались без участия
в нелегальных сборищах.
По почину Фундукля
к христианства юбилею
строили соборище.

Прахов, Васнецов и Врубель
воплотили в этом чуде
в ярких иллюстрациях,
как Иус из Назарета
Новые внедрял Заветы
(в их интерпретациях).

Чтоб на чудо подивиться,
бронзовый Богдан Хмельницкий
весь в парадной выправке,
с булавой, в гетманской бурке
поскакал из Петербурга
к киевской Софиевке.

Худсовет проект Богдана
утвердил согласно плану,
с должным пониманием,
но убрал из-под копыта
иудея, езуита
вместе с мусульманином.

Сам собор был прочно связан
по синодскому указу
с именем Крестителя.
Повинуясь новой моде,
сплошь рожали лишь Володей
киевские жители.

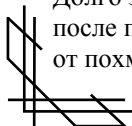
Христианство – вот основа
памяти того Святого
и в большом, и в маленьком.
И в Симбирске это слово
кучерявый мальчик Вова
повторял картавенько.

Был отлит Владимир в бронзе,
крест держащий в гордой позе
христиан куратора.
В соглашенье с расписанием,
Киев встретил с ликованием
поезд императора.

Чтоб спокойно царь молился,
Дрентельн сам распорядился
о составе публики:
у монахов из-под рясы
полицейские лампы
топорщились бубликом.

Служба возле монумента –
кульминация момента
для распорядителя.
В двух саженьях от инфанта
тот скончался от инфаркта
на ее открытии.

На трагическом примере
верности Царю и Вере
торжества закончились.
Долго земляки Святого
после праздника такого
от похмелья корчились.

И опять за дело взялись:
капитал нажить старались
для беспечной старости.
Кто по крупному работал,
но и обходился кто-то
так, по самой малости.

От экономистов лидер,
Николай Иваныч Зибер,
склада не простецкого,
тем, кто без штанов остался,
“Капитал” от Карла Маркса
перевел с немецкого.

Изучать тот труд - обуза
для рабочего союза
от “Труда свободного”.
Как в паны пройти из хамов,
проще объяснил Плеханов
для ума народного.

Нужно пролетарским массам,
как передовому классу,
сбросить угнетение,
а заводы и уголья
передать простонародью
в общее владение.

Почитатели марксизма
в вялый призрак коммунизма
жесткий шампур вставили,
запекли женевским тестом,
обвернули “Манифестом”
и в Россию сплавляли.

Среди киевского люда
упивался новым блюдом
Ювеналий Мельников,
раздавая по кусочкам
озлобленным одиночкам
из числа бездельников.

В ворохе заумных строчек
доводилась до рабочих
мысль, однако, скверная:
скопом всем объединиться,
на хозяев навалиться
и... пляши, губерния!

Если горы капитала
разделить на всех – помалу
каждому достанется!
“Весь насилья мир разрушить”
и из общей миски кушать,
что “затем” останется...

В сладкой Карла Маркса сказке
маленькие неувязки
не включались в прения:
как упорного трудягу
уравнять в правах с бродягой
в сфере потребления?

Как без личного навару
повышать объем товара
или его качество?
А не взять из общей кучи
тот кусок, который лучше,
разве не чудачество?

Трезвый пролетарский разум
замутить не просто сразу,
даже если хочется –
эРэСДээРПэ создали
и не очень твердо знали,
чем должно все кончиться.

Не успели огласиться –
тотчас начали делиться
на “больших” и “меньшеньких”:
строчка партии устава
ленинским отличием стала
праведных от грешеньких.

Николай Второй, к несчастью,
слабый был хранитель власти:
неблагонадежные,
вместо плаца к эшафоту,
вывозились на охоту
в глухомань таежную.

Кто жандармам не достался,
за границу отправлялся
по фальшивой хартии,
чтоб за “Рейнским” иль “Баварским”
обсуждать в условиях барских
все задачи партии.

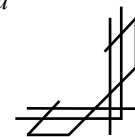
Для России заграница –
Капри, Базель, Канны, Ницца –
были вроде Боярки:
петербургские гурманы
облегчали здесь карманы
от червонцев новеньких.

Киевские меценаты
в украинские пенаты
вывозили фурами
импрессионизма сливки
и папирусные свитки
с римскими скульптурами.

Чтобы все на них глазели,
понастроили музеи,
галереи, выставки.
И для Мельпомены храма
зданья оперы и драмы
возвели по быстрому.

Котляревского *Наталка*,
краснощекая *Полтавка*,
с Лысенко мелодией,
там над *тихими ставками*
з дівками та парубками
в танце хороводила.

25

Edited with **Infix PDF Editor**
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

В “Бульбе” Лысенко начале
мощь мелодии звучала
марша *козаковського*.
И тоска за *рідним краєм*
в “*Запорожці за Дунаєм*”
Гулак-Артемовского.

“*За двома зайцями*” праздный
Старицкого Голохвастый
гнался рысью бойкою.
От Лукашевой *сопілки*
Мавка Леси Украинки
лила слезы горькие.

В драмтеатре Соловцова
Заньковецкой пылкой слово
страсть будило девичью.
Кропивницкого призванью
здесь составили компанью
братья Тобилевичи.

Бергонье репертуаром
угощались театралы.
Струны душ их трогали
Глинка, Мусоргский, Чайковский,
Чехов, Лев Толстой, Островский
и сатира Гоголя.

На границе двух столетий
пережили пик расцвета
спонсорской докукою
музыка, литература,
живопись, архитектура,
техника с наукою.

Франко, Мирный, Коцюбинский
дали *творам українським*
новое дыхание.
Из библиотеки брались,
в книжной лавке раскупались
местные издания.

Темой большинства изданий
были муки и страданья
о горючей долюшке
тех, кто счастья не сыскали
и землю поливали
потом в чистом полюшке.

Ижакевич, Пимоненко
рисовали маслом сценки
из народобытия.
Разбитные остроловцы,
Репинские “Запорожцы”,
тешили ценителя.

Архитектор Городецкий
с выдумкою молодецкой
сделал спецзадание:
из бетона, для рекламы,
как на крыше Нотр Дама,
жуткие создания.

Старым улицам в окрасу –
караимскую кенасу
и костел готический.
Стиль внедряли модернизма,
классики, конструктивизма,
в целом – эклектический.

Гай, Алешин, Николаев,
постепенно уплотняя
пустыри проходные,
строили отели, банки,
крытый рынок Бессарабки
и дома доходные.

Хворым и убогим лицам
сеть приютов и больницы,
как Христом завещано,
своекоштно создавали
Закс, Ханенко, Караваев,
Бродский и Терещенко.

Благодетели при этом
обнищанием бюджета
близких не унизили:
что общине завещали,
то им с гаком возмещали
заводские дизели.

Из чугунок, бронзы, стали
технику в село спускали
лошадиносильную,
к паровозам принадлежность
и большую ширпотребность
сахароварильную.

Штейнгель, Гретер и Криванек
на Шулявке отливали
корпуса махинные.
Унгерман, Фильверт, Дедина
вместо пара заводили
приводы машинные.

Финансисты-фабриканты,
зная, что решают кадры,
а не труд физический,
техпрогресс индустриальный,
выстроили капитальный
вуз Политехнический.

Веку прошлому на смену,
с творческим задором смелым,
здесь росло студенчество.
Наставлял его, лелеял
знаменитый Менделеев
на благо Отечества.

Часть студентов и рабочих,
к справедливости охочих,
в пятом годе силились
затянуть восстанья песню,
отзвуком московской Пресне,
но ... утихомирились.

Большевистские цидули
здесь из “Искры” не раздули
пламени пожарище.
Агитаторам ЦеКовским,
Шлихтерам и Жадановским,
не нашлось товарищей.

Но эСДэки и эСэРы
зерна эры новой веры
кое-где посеяли
в подготовленную почву –
бедностью житъя рабочих,
нищетою Рассеевой.

Киев город был мещанский –
не рабочий, не крестьянский,
в целом, обывательский.
Духу красного террора
предпочли в нем очень скоро
дух соревновательский.

Молодежь из Политеха
пристрастилась к кучке чехов,
не жалея обуви,
на Сырецком поле чистом
мяч пинать ногами быстро
до полнейшей одури.

Подмастерья с барчуками
в спорте равенство сыскали
небаррикадйское.
От правительства в награду
Первую олимпиаду
зрели Всероссийскую.

У эСэРов лучшим спортом
все же числилась охота
на больших “цесарочек”.
Богров, с удалью гусарской,
к трехсотлетью семьи царской
сделал ей подарочек.

Именинник-император,
в оперный придя театр,
заняв место зрителя,
стал свидетелем в антракте
исполнения теракта –
выстрела в Столыпина.

Петр Аркадьевич по званию
был душителем восстанья
и врагом анархии:
перестройкою ударной
экономики аграрной
укреплял монархию.

Сделавшего дело мавра
погребли в Печерской лавре
на Успенской площади
за ажурною оградой
у собора, что был рядом
со святыми мощами.

С верноподданнейшим шумом
рядом с Киевскою думой
памятник поставили,
а идеи перестройки,
как отходы, на помойку
выбросить заставили.

Как всегда, в делах нечистых
обвинили сионистов
с мудростью ученою.
Ведь недаром Бейлис Мендель
в свой песахский постный крендель
капал кровь крещеную!

И в причине недорода
“Союз русского народа”
видел казнь еврейскую.
Черносотенцев дубина
на погромах заменила
мантию судейскую.

Киевлянка Мейр Голда
вспоминала очень долго
как, в сплошном бессилии,
в саванах – ночных рубахах
лезли под кровать от страха
дети израилевы.

К счастью, в киевских событьях
не было кровопролитья.
Не открыв Америку,
“дело Бейлиса” вальяжно
в прах развеял суд присяжных,
прекратив истерику.

Много лет, вражды не зная
и друг другу помогая,
жили с времен праотцев
русские, поляки, чехи,
немцы и евреи, греки
в городе украинцев.

Чернозем и климат края
изобильем урожая
примерял все нации.
Визитеров киевляне
прелестями удивляли
европеизации.

С Александровского спуска,
первенцем в истории русской,
шел с электроприводом,
сам собой, как бойкий мальчик,
чудо техники – трамвайчик,
ставший конке иродом.

Электрические свечи
в утро превратили вечер.
В монастырь Михайловский
вознесенья прожекторы
плыли на фуникулере
с пристани Почаевской.

В небесах впервые смело
“мертвую петлю” проделал
авиатор Нестеров.
К беготне отрезал повод
разветвленный медный провод
телефона местного.

Чистая Днепра водица
чаще стала в кранах литься.
От бацилл смываемых
кипятком краснели лица
томных жителей столицы
в банях Караваевых.

Летом на природу рвались
киевляне, увлекаясь
солнечными ваннами.
Молодили старых даже
исцелительные пляжи
острова Труханова.

После службы или дела
жизнь веселая кипела.
Не жалея рублики,
цирк, театр-комедиограф,
гранд-кафе, синематограф
заполняла публика.

С ней в экстаз впадали рьяно
виртуозы фортепьяно
Глазунов со Скрябиним.
Выступали в главных ролях
здесь на оперных гастроях
Собинов с Шляпиным.

И на каждом перекрестке
молодежь, в одеждах пестрых,
с паузой, в проходочку,
пиво, соки, квас, крем-соду
пила в жаркую погоду,
а с морозца – водочку.

Парки, скверы и бульвары
окупили пары,
выйдя на свидания,
над Славутича водою
ощущая всей душою
крепость мироздания.

Но убил Гаврило Принцип
Фердинанда, что был принцем
Габсбургской династии.
И Сараевское эхо
для России стало вехой
полосы несчастья.

Европейские банкиры
карту сфер влияний в мире
трижды перемерили,
не смогли разъединиться,
сверхдоходом поделиться –
и войну затеяли!

Кайзеровы дипломаты
объявили ультиматум
снобам россияновым,
с кратковременной отсрочкой
смертный приговор заочно
подписав Романовым.

